

«В городе его знают все, но видят чрезвычайно редко. Потому, что он безвыходно сидит в тюрьме...»

Дворцовая улица.
Окружной суд.

«Я попросил кучера взять оглоблю...»

Чуть больше ста лет назад – 11 января 1911 года в симбирской газете «Волжские вести» было опубликовано письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь, Господин Редактор!

Не откажите поместить следующее мое письмо.

Десятого января около пяти часов вечера, при въезде в свой двор, я подвергся нападению пяти мерзавцев, одетых в офицерскую форму Ленкоранского-Нашебургского полка.

В означенной группе были Анисимов и Володкевич, явившиеся ранее ко мне в качестве секундентов со стороны Святогорова, был также и сам Святогор. Обороняясь от них и отступая во двор, я попросил кучера взять оглоблю и погнать эту сволочь со двора. Воины заявили, что кучера изрубят на куски. Против ворот уже собралась толпа, и храброе воинство быстро удалилось, хотя еще кучер с оглоблей и дворники с метлами не явились. Я предполагал, что после заметки в «В.В.» о выходке офицеров последние уже арестованы,

но, оказалось, что они прогуливаются на свободе и продолжают хулиганить. Врач И. Сахаров».

А в разделе объявлений того же издания среди прочих было и такое: «Для охраны редакции «В.В.» и квартиры д-ра Сахарова от хулиганов требуются дюжие гайдуки-мордобои».

Чтобы понять, отчего вдруг господа офицеры попытались напасть на представителя самой гуманной профессии, необходимо вернуться на некоторое время назад от описываемых событий.

За несколько дней до скандала в отделе хроники «Волжских вестей» была опубликована заметка о самоубийстве служившего в Ленкоранском полку поручика Рожественского. Автор утверждал, что причиной трагедии стало систематическое пьянство погибшего.

Эту информацию командование, а также офицеры части сочли недостоверной. Более того, она, по их мнению, не только порочила доброе имя покойного, но и затрагивала честь всего полка. На полковом собрании офицеров, созванном по этому случаю, решили предложить редакции напечатать опровержение с извинениями

У Марка Твена есть рассказ, который называется «Журналистика в Теннесси». Его герой – редактор небольшой провинциальной газетки общается с недовольными читателями в духе ковбойских традиций Дикого Запада: кто-то пытается его застрелить, кто-то – взорвать, кто-то – просто поколотить. Смешно и понятно, что все это – не более чем художественный вымысел писателя. Между тем в начале прошлого века нечто подобное, хотя и в менее экстремальной форме, происходило и в Симбирске.

и даже составили его текст. Газета его опубликовала, но с изменениями, что было расценено как новое оскорбление репутации полка.

В ответ один из офицеров подал командиру рапорт о разрешении вызвать доктора Сахарова на дуэль. «Вопрос обсуждался в обществе офицеров и разрешен утвердительно». Однако доктор не только не принял вызов, но им были помещены в газете новые заметки, компрометирующие честь военных. Такое поведение возмутило офицеров, и один из них, дабы все же добиться дуэли, оскорбил Сахарова действием, о чем было напечатано в газете «Симбирянин».

Но какое отношение почтенный последователь Гиппократ имел к газете, напечатавшей оскорбительную статью?

Дело в том, что пятидесятишестилетний заведующий городской больницей Иван Матвеевич Сахаров был одним из учредителей «Симбирских вестей». Редактором же злополучного издания трудился Федор Андреевич Абрамов – человек во многом примечательный, неординарный, хорошо известный не только в общественных кругах Симбирска,

но и в департаменте полиции, который отзывался о нем как о личности авантюрной.

«Вечный узник»

Федор Андреевич, которому на момент описываемых событий было 32 года, родился в семье православного крестьянина села Ундыры Симбирского уезда Симбирской губернии. Два года обучался в земской школе, но «по бедности родителей» вынужден был оставить учебу и искать заработок в городе.

В Симбирске он устроился садовником к «богатому белоризцу» В.И. Писцову из раскольников беспоповского толка. Под влиянием хозяина Абрамов тоже впал в раскол.

Однако ненадолго. Через некоторое время он был зачислен в миссионерскую школу при Вознесенском мужском монастыре в г. Сызрани Симбирской губернии. Но окончить полный курс не успел, так как через полтора года школу закрыли.

В поисках хлеба насущного Федор Андреевич пробует себя на разных поприщах: как агент торговой фирмы по реализации семян садовых и огородных культур разъезжает по городам России, работает на фабрике эфирных масел, арендует фруктовый сад и даже культивирует новую для Симбирска овощную культуру – баклажаны в усадьбе Кнерцер.

События 1905–1907 годов вовлекли в свою орбиту и Ф.А. Абрамова. В поле зрения департамента полиции он попал в 1906 году как социалст-революционер: в агентурных сводках Симбирского жандармского управления по партии эсеров он проходил под кличкой «Хохол». Фамилия Абрамова фигурировала в следственных материалах по делу об убийстве симбирского губернатора К.С. Старынкевича 21 сентября 1906 года. (Он подозревался в укрывательстве террористов-эсеров, но за недоказанностью обвинение не было предъявлено.)

В 1907 году Ф.А. Абрамов становится одним из «фиктивных» ответственных редакторов газеты «Народные вести» (позже – «Волжские вести»). По мнению полиции, на страницах издания постоянно публиковались статьи, «дискредитирующие правительство и глумящиеся над религией и духовной властью». За

это редактор и издатель, известный в Симбирске революционный деятель И.М. Сахаров регулярно приговаривался к так называемой «тюремной повинности». Однако вместо него в узилище отправлялся Абрамов. За три года редакторства он 14 раз подвергался административным арестам с заключением в тюрьму сроком до трех месяцев. За отсидки редакция платила сидельцу по 25–50 рублей.

Слава о «вечном узнике из Симбирска» разнеслась по России благодаря газетам «Русское слово» и «Речь». Вот что писало нем «Русское слово» 10 сентября 1910 года: «В городе его знают все, но видят чрезвычайно редко. Потому, что Ф.А. Абрамов безвыходно сидит в тюрьме...». «Вечный узник», – говорят о нем обыватели. Издается в Симбирске маленькая бедная газетка «Волжские Вести». В отличие от черносотенного «Симбирянина», также выходящего здесь, ее называют «прогрессивной». Эту газетку и редактирует Ф.А. Абрамов.

...Надо заметить, что Ф.А. Абрамов не только редактор, но и садовод, сапожник, плотник, пилющик дров, печник, кровельщик, в случае надобности даже повар, – словом, мастер на все руки.

Не раз судился с газетой и ее редактором за размещение клеветнических заметок чувашский просветитель И.Я. Яковлев, подчеркивавший при этом, что «фактическими хозяевами газеты «Волжские Вести» являются врач Сахаров и его жена...». Кстати, супругой доктора была дочь симбирского купца Н.В. Чебоксарова – Лидия Николаевна. Видимо, это и позволило заведующему горбольницей много лет заниматься издательством.

Однако вернемся в зал суда. Ни один из подсудимых виновным себя не признал. Но, несмотря на отчаянные усилия защитника В. Николича, суд вынес обвинительный приговор: врача Сахарова приговорили к аресту на 3 недели при тюрьме, Абрамова – на столько же, но при полиции.

А царевич-то не настоящий!

В том же 1911 году Ф.А. Абрамов начал сотрудничать с газетой «Жизнь», которую издавал симбирский литератор Н.Н. Ильин (Нилли). Но вскоре ее закрыли. Одной из причин были статьи антицерковного

содержания, вышедшие из-под пера «Вечного узника».

В канун Февральской революции неугомонный журналист вновь привлек внимание департамента полиции. Но уже совершенно в ином качестве: 17 января 1917 года директор департамента информировал начальника Симбирского губернского жандармского управления о том, что, по агентурным сведениям, Абрамов «предлагает в целях популярности Наследника Цесаревича возить по заводам и деревням под видом Его Высочества подходящего мальчика, якобы интересующегося бытом рабочих и крестьян». В связи с этим симбирским жандармам было рекомендовано, воспользовавшись любым поводом, применить к Ф.А. Абрамову административную высылку. Сделать это надлежало осторожно, принимая во внимание его склонность к авантюризму.

В начале февраля 1917 года жандармское управление провело негласное расследование поездок Абрамова по губернии. В частности, было установлено, что в июле 1916 года он приезжал в село Ширяев Буерак Сызранского уезда с двумя мальчиками 10–12 и 15–16 лет, «по-видимому, сыновьями». Все аккуратно опрошенные крестьяне сходились в одном: «что касается рекламирования Наследника Престола и вообще о каком-либо мальчике схожего летам на Наследника Престола, которого он обещал будто бы привести на показ, то разговора на эту тему совершенно не велось».

Несмотря на то, что «нелепая затея Абрамова» не нашла реального подтверждения, было признано необходимым установить за ним постоянное и особо тщательное наблюдение. Но тут грянул февральский переворот.

На этом жизнеописание Федора Андреевича обрываются, и его дальнейшая судьба пока остается неясной. По одной версии, он был расстрелян «врагами революции на станции Майна или в Чуфарове» в начале революции 1917 года. По другой, он был убит белочехами в 1918 году в районе станции Майна за сочувственное отношение к крестьянам.

Галина Романова,
заместитель директора Государственного
архива Ульяновской области

Лидия Берц,
член Союза журналистов России